

ПОРТРЕТ НА ФОНЕ «ДЕКАБРЬСКИХ ВЕЧЕРОВ»

«Декабрьские вечера» Свято-слава Рихтера в Музее изобразительных искусств имени Пушкина давно уже стали неотъемлемой частью жизни отечественного искусства. О них много пишут и будут писать. Качество полотен и скульптур, привозимых из разных стран мира, говорит само за себя. Каждый предмет выставки находится на том единственно возможном месте, которое для него и предназначено. Но дело, конечно же, не только в этом. Камерный фестиваль «Декабрьские вечера» создал некую новую художественную данность, в которой визуальное и звучащее слились столь нерасторжимо, что порой и самих исполнителей невольно воспринимаешь как «портреты» на фоне картин, скульптур и литературных раритетов.

О нынешних (уже 21-х) «Декабрьских вечерах» тоже немало написано. Тема «Вечеров» — «В сторону Пруста» — определила и характер музыкальных программ. Моновыставка одного из самых любимых художников Пруста, Клода Моне как бы отозвалась эхом в большинстве концертных программ. Звучала в основном французская музыка: Дебюсси, Равель, Сен-Санс, а еще Шуман, Шопен, Россини, Прокофьев, Скрябин... Однако каждый год появляются и новые имена, зарубежные и отечественные.

7 декабря в Белом зале впервые на «Декабрьских вечерах» давал сольный концерт Николай Луганский. Почему он не играл здесь раньше? 29-летний артист всемирно известен и всемирно востребован. В его умных и чутких руках каждый музыкальный стиль обретает свою первозданность. А репертуар Луганского огромен. Порой кажется, что он хочет познать все. «Музыкальный портрет» Николая Луганского на фоне нынешних «Декабрьских вечеров» выглядел необычно не только потому, что был явлен нам впервые, но и потому еще, что кроме Шопена, игранного и в других концертах, он исполнял композиторов, которых кроме него не играл никто: Брамса и Вагнера.

Сегодня Николай Луганский — абсолютно сложившийся артист. Он глубоко чувствует исполняемую музыку, абсолютно искренен и... все контролирует своим недюжинным умом, от чего, наверное, временами кажется чуть замкнутым. В подобной недосказанности есть особое очарование, однако на «Декабрьских вечерах» меня лично (да и многих слушателей) поразила душевная открытость, полная эмоциональная раскрепощенность. Что это — новый этап в развитии творческой личности или внезапный порыв? Из шести пьес Брамса (соч. 118) мне особенно запомнились Интермеццо A dur, нежное, лиричное, с порывистой средней частью, и венчающее цикл трагическое Интермеццо es moll: сколь широко раздвинуто звуковое пространство, заполненное сильным, открытым чувством! В шопеновской части программы (ноктюрны и баллады) самое сильное впечатление произвели драматические пьесы. Ноктюрн с moll и Баллада f moll. В Ноктюрне, начав с абсолютного piano, Луганский развернул постепенное нарастание к кульминации в репризе, прозвучавшей необычайно сильно и убедительно.

В конце обоих отделений был Вагнер (по настоянию художественного совета фестиваля). В первом отделении прозвучали фрагменты из «Гибели богов» в собственной транскрипции Луганского, которую он сделал буквально за несколько дней. Получилось масштабное полотно в листовской фортепианной манере, что не случайно, ибо второе отделение заканчивалось листовской транскрипцией «Смерти Изольды».

И еще два маленьких (но многозначных) штриха к портрету Николая Луганского. Сравнительно недавно он дал благотворительный концерт в любимой рахманиновской усадьбе Ивановка (близ Тамбова). За запись всех этюдов Шопена (французская фирма «Эрато») Луганский удостоен престижного отличия: журнал «Дирижабль» назвал его лучшим солистом-инструменталистом 2000 года. И он получил два золотых диска — от критиков и слушателей.

Фарида Фахми

Рос. муз. газетам — 2002 г. — № 1 — 2